

ПОЛИТИКА

Р. Ф. Туровский

ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ В РОССИИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕДЕЛЫ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ¹

¹ В статье использованы результаты проекта «Влияние институциональных факторов на региональную структуру партийной системы России», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2017 г. Автор признателен студентке бакалавриата образовательной программы «Политология» НИУ ВШЭ Екатерине Соловьевой за помощь при проведении исследования.

Ростислав Феликсович Туровский — доктор политических наук, профессор департамента политической науки факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Для связи с автором: RFT777@mail.ru.

Аннотация. В статье анализируются процессы электоральной консолидации вокруг инкубентов, а также оппозиционных кандидатов на президентских выборах в России. На основе сравнительного анализа парламентских и президентских кампаний, объединенных в шесть электоральных циклов, автор выявляет сдвиги в явке и голосовании за кандидатов на выборах президента по сравнению с предшествующими выборами депутатов Госдумы. Проведенное им исследование демонстрирует, что практически все значимые кандидаты на выборах президента опираются на электорат определенной партии — обычно той, от которой кандидат выдвигается (единственное важное исключение из этого правила — голосование за П. Грудина на выборах 2018 г.). Исследование также показывает, что рост явки на выборах президента работает на инкубента (кроме Б. Ельцина в 1996 г.), хотя в отдельных случаях он может способствовать и повышению результата сильного оппозиционера (Г. Зюганов в 1996 г.) или совершенно нового кандидата (М. Прохоров в 2012 г.). Изучив перетоки голосов между парламентскими и президентскими выборами, автор приходит к выводу, что инкубент, как правило, способен привлекать на свою сторону политически амбивалентный электорат, а также, в зависимости от политического контекста, избирателей из различных партийных кластеров — сторонников «Справедливой России», ЛДПР, либеральных партий и (на уровне отдельных регионов) КПРФ. Оппозиционные кандидаты имеют для этого гораздо более ограниченные возможности либо не имеют их вообще. Выявленные тенденции трактуются автором в качестве проявлений стратегического голосования, основанного на рациональном выборе избирателей в пользу инкубента.

Ключевые слова: стратегическое голосование, инкубент, оппозиция, президентские выборы, парламентские выборы, переток электората

Президентские выборы в России всегда проходят в условиях повышенной явки избирателей и отличаются мобилизацией электората вокруг инкубента или иного «основного» кандидата, представляющего

правлящие элиты страны. Проблемой, которая рассматривается в настоящем исследовании, является соотношение избирательских предпочтений во время парламентских и президентских кампаний. Дело в том, что президентские выборы, проводимые по мажоритарной системе и характеризующиеся в России высокой степенью ориентации на инкумбента (или его преемника) и персонифицированностью голосования, неизбежно отличаются от парламентских, на которых избиратели выражают поддержку партиям и где выше число участников. Для анализа различий в структуре голосования на парламентских и президентских выборах мы изучим все шесть избирательных циклов, условно объединяющих выборы парламента и следующие за ними выборы главы государства, — 1995—1996, 1999—2000, 2003—2004, 2007—2008, 2011—2012 и 2016—2018 гг. Перерыв между последними парламентскими и президентскими выборами, правда, был гораздо больше, чем в предшествовавших циклах. Тем не менее связь двух кампаний представляет немалый интерес и в этом случае.

В центре нашего внимания — мобилизация избирателей на президентских выборах и консолидация электората вокруг «основного» кандидата (инкумбента или его преемника²). Этот процесс сопровождается, во-первых, существенным притоком «нового» электората, не принимавшего участия в парламентской кампании, и, во-вторых, перетоком электората с тех или иных партийных и идеологических флангов к «основному» кандидату. Вместе с тем не исключена и «альтернативная» мобилизация, предполагающая приток «дополнительных» избирателей к его конкурентам.

Мобилизация избирателей на президентских выборах и консолидация сторонников различных партий вокруг «основного» кандидата трактуются нами в качестве проявлений стратегического голосования. В западной политической науке голосование этого типа обычно изучается на примерах смешанных избирательных систем, при которых избиратель одновременно голосует и за партийный список, и за определенного кандидата, что позволяет зафиксировать различия в его поведении³. В частности, исследования показывают, что на выборах в одномандатных округах за счет стратегического голосования (которое в западной литературе принято отличать от «искреннего») дополнительные голоса получают кандидаты-лидеры, в том числе действующие депутаты⁴.

Однако проследить, как действует принцип стратегического голосования, приводя к повышению поддержки инкумбента, можно и на примере российских президентских выборов. Хотя речь в нашем случае идет о выборах разного типа⁵, причем разведенных во времени, но с учетом относительно небольшого временного промежутка между двумя последовательными федеральными кампаниями и достаточно очевидной связи между ними процессы консолидации электората на выборах президента тоже могут, на наш взгляд, рассматриваться через призму стратегического голосования.

² Далее для упрощения изложения мы будем использовать для их обозначения общее понятие «инкумбент».

³ См., напр. Ferrara, Herron, and Nishikawa 2005.

⁴ Herrmann and Pappi 2008.

⁵ О влиянии типа выборов на поведение избирателей см., в частности, Turovsky and Sukhova 2017.

В частности, мы полагаем, что парламентские выборы с их более высоким уровнем конкуренции и более широким спектром участников больше располагают к выражению избирателями своих политико-идеологических предпочтений. На президентских выборах избиратель в большей степени мотивирован к тому, чтобы делать стратегический выбор, оценивая шансы тех, кто претендует на президентский пост, и выбирая максимально приемлемого для себя кандидата из числа способных одержать победу. Тем самым он действует в какой-то мере рациональнее, чем на выборах в парламент. В условиях роста электоральной лояльности это довольно быстро приводит к консолидации вокруг инкумбента как наиболее значимой и заметной тенденции в рамках «конвертации» голосования на парламентских выборах в последующее голосование на выборах главы государства.

Исследование основано на методах географического статистического анализа, предполагающего изучение электоральных индикаторов для выборки, охватывающей все субъекты Федерации, и предусматривающего сравнение этих индикаторов на выборах разных лет, что дает возможность сопоставлять их как в статике (различия от региона к региону), так и в динамике. Из математических методов мы использовали корреляционный анализ (линейный коэффициент корреляции Пирсона), позволяющий выявлять значимые связи между электоральными индикаторами и, что особенно важно для настоящего исследования, их динамикой в рамках «коротких» электоральных циклов, включающих парламентскую и следующую за ней президентскую кампанию. В качестве индикаторов выступали явка избирателей, результаты голосования за партийные списки на парламентских выборах и за кандидатов на выборах президентских (чтобы обеспечить сравнимость данных для различных выборов и рассматривать полную структуру электората, элиминируя проблему изменчивой явки, показатель брался от общего числа избирателей), динамика явки, различия между результатом инкумбента и результатом «партии власти» (или кластера подобных партий) на парламентских выборах и между результатами оппозиционных кандидатов и результатами их партий (или соответствующих партийно-идеологических кластеров — например, левого кластера для кандидата в президенты от левой оппозиции). Кроме того, принимались во внимание результаты значимых партий, не участвовавших в парламентских выборах (при решении вопроса о возможном голосовании их сторонников на выборах президента), а также «новых» кандидатов, не опиравшихся на определенные партии (при выявлении перетока к ним электората). Все расчеты производились на основе официальной статистики ЦИК РФ.

Для выявления наиболее значимых факторов, влияющих на поддержку кандидата-инкумбента на президентских выборах, был задействован также регрессионный анализ с применением техники кросс-секционного анализа (что обусловлено исследовательской целью — фиксацией статистического «среза» в конкретном временном периоде).

При проведении кросс-секционного анализа был использован стандартный способ оценки коэффициентов регрессии — метод наименьших квадратов. Ключевым регрессором выступала дельта (разность) явки между президентскими выборами и предшествовавшими им выборами в Государственную Думу, а независимыми переменными, описывающими потенциальные перетоки электората политических партий к кандидату от власти, — показатели поддержки различных политических партий на парламентских выборах в процентах от общего числа избирателей по всем регионам страны.

Исследование осуществлялось в несколько этапов. На первом этапе мы проанализировали стабильность региональных электоральных паттернов, рассчитав корреляцию между голосованием за кандидатов в президенты и голосованием за их партии (партийный кластер) на предшествовавших парламентских выборах в рамках полной региональной выборки (см. *табл. 1 Приложения*). Опираясь на такой корреляционный анализ, мы смогли сделать выводы о наличии и устойчивости ядерного электората партий и кандидатов, о воспроизводстве поддержки.

На втором этапе мы попытались выяснить происхождение «нового» электората, то есть избирателей, которые участвовали в президентских выборах, но не участвовали в парламентских. Для этого мы рассчитали корреляцию между ростом явки и ростом поддержки тех или иных кандидатов в сравнении с их партиями (см. *табл. 2 Приложения*).

На третьем этапе мы обратились к изучению собственно перетоков электората, обращая внимание на систематическое (характерное для абсолютного большинства регионов) совпадение (в разрезе территорий) роста поддержки одних кандидатов со снижением поддержки других (в сравнении с их партиями). При выявлении такого совпадения, а также гипотетического потенциала для перетока голосов (в силу относительной идеологической близости политических игроков) мы проверяли наличие статистически значимой связи с помощью линейной корреляции Пирсона. (Значимая отрицательная корреляция между ростом одних показателей и снижением других свидетельствует о возможном перетоке голосов.) Аналогичным образом мы анализировали происхождение электората новых кандидатов — в поиске тех партий, которые могли стать для них донорами. Тот же метод использовался и при анализе того, что произошло с избирателями тех партий, которые не приняли участия в президентской кампании (см. *табл. 3—8 Приложения*).

На последнем, четвертом, этапе для исследования возможного притока к инкубентам голосов от тех или иных партий нами был проведен регрессионный анализ, в котором в качестве зависимой переменной выступали электоральные результаты инкубентов, а в качестве независимых — прирост явки на выборах президента и голосование за различные партии либо партийные кластеры на парламентских выборах (см. *табл. 9 Приложения*).

Гипотеза исследования заключалась в том, что ввиду формирования персоналистского режима инкубент оказывается в состоянии привлекать к себе «новых» избирателей и мобилизовать в свою поддержку электорат различных партий. При этом динамика мобилизационных возможностей инкубента зависит от идеологических оснований политического режима и степени его персонификации, а также от списка оппозиционных кандидатов, который может становиться объектом манипуляций, нацеленных на обеспечение более мощного консолидационного эффекта.

Общие тренды президентских выборов в России

Говоря о президентских выборах в постсоветской России, прежде всего стоит обратить внимание на динамику явки. Начиная с 1996 г. явка на президентские выборы в РФ неуклонно снижалась, и хотя в 2008 г. она несколько выросла, почти достигнув уровня 2000 г., в 2012 г. спад возобновился (при том что явка на эти выборы все-таки превышала явку 2004 г.). Та же динамика характерна и для явки на предшествовавшие президентским парламентские выборы: за сокращением явки в 1999 и 2003 гг. последовало ее увеличение в 2007 г., сменившееся новым снижением в 2011 г. и еще более резким — в 2016 г. В ходе президентской кампании 2018 г. уровень явки, однако, вновь подскочил, превысив показатели 2004 и 2012 гг. (правда, уступая всем остальным кампаниям). То есть после избрания Владимира Путина на второй срок явка на президентские выборы приобрела колебательный характер.

Учитывая задачи настоящего исследования, для нас особенно важны различия между явкой на президентские и парламентские выборы. Явка на президентские выборы в России всегда была выше, но разница, как правило, была сопоставимой — порядка 5–7 процентных пунктов (п.п.). Интересно, что с приходом Путина это соотношение стало меняться: если на первых президентских выборах, в которых участвовал Путин, разрыв в явке составлял менее 7 п.п., то при избрании его на второй срок — уже 8,7 п.п., а в рамках избирательного цикла 2016–2018 гг. — 19,7 п.п. Впрочем, на выборах 2012 г. этот разрыв лишь ненамного превысил 5 п.п., оказавшись самым низким в истории.

Что касается результатов инкубента, то они демонстрируют тенденцию к росту — и как раз в условиях спада и последующих колебаний явки (но не только в связи с этим). Правда, доля проголосовавших за инкубента (от числа пришедших на выборы), последовательно возраставшая в 2000 и 2004 г., несколько снизилась при избрании Дмитрия Медведева в 2008 г. и еще больше — при избрании Путина на третий срок, однако в 2018 г. она опять выросла, причем до рекордного уровня.

Данный тренд становится еще более отчетливым, если рассматривать результаты инкубента в сопоставлении с общим числом избирателей. При таком методе подсчета о спаде поддержки инкубента можно говорить лишь применительно к 2012 г. — на выборах 2008 г.,

учитывая выросшую явку, она даже увеличилась (то есть в абсолютных цифрах за инкумбента проголосовало больше избирателей, чем на предыдущих выборах). Примечательно, что и в этом случае результат Путина в 2018 г. выглядит рекордным, превышая символическую планку в 50% от общего числа избирателей.

Важно, однако, что во всех ситуациях результат инкумбента существенно превосходит результаты «партий власти» на парламентских выборах. Именно этот консолидационный эффект и представляет для нас главный интерес.

Избирательный цикл 1995–1996 гг.

Анализ избирательного цикла 1995–1996 гг. сопряжен с немалыми сложностями как в связи с высоким уровнем конкуренции, так и ввиду проведения второго тура голосования.

Наиболее выраженное соответствие региональных паттернов голосования демонстрируют представители двух популярных партий с уже оформившейся электоральной поддержкой — Геннадий Зюганов и Владимир Жириновский. Более умеренным выглядит воспроизводство ядерного электората Бориса Ельцина, Александра Лебеда и Григория Явлинского, что связано с интенсивными перетоками голосов на провластном, либеральном и националистическом флангах. Вместе с тем применительно ко всем пяти основным кандидатам можно говорить о наличии ядерного электората, сложившегося на парламентских выборах 1995 г. (а в случае наиболее опытных кандидатов — и раньше).

Явка на первый тур президентских выборов выросла на 5,3 п.п. по отношению к думской кампании 1995 г. При этом динамика поддержки четырех из пяти основных кандидатов носила позитивный характер. Результат Ельцина на 18,1 п.п. превысил результат «партии власти» в лице НДР, причем рост наблюдался во всех 89 регионах. Заметной, хотя и менее выраженной была консолидация вокруг Зюганова, превысившего результат КПрФ на 8 п.п. (рост в 88 регионах), но в сравнении со всем кластером левых партий прирост был не столь значительным (на 1,6 п.п. и только в 50 регионах), свидетельствуя об ограниченности консолидационного потенциала этого кандидата. Существенным оказался прирост голосов за Лебеда (по сравнению с Конгрессом русских общин) — на 7,3 п.п. и во всех 89 регионах. Явлинский улучшил показатели «Яблока» лишь на 0,7 п.п., однако этот прирост был почти повсеместным (в 77 регионах).

Напротив, поддержка Жириновского в сравнении с ЛДПР сократилась на 3,2 п.п. (снижение отмечено в 85 регионах). Кстати, упали в сравнении с их партиями и результаты Святослава Федорова и Мартина Шаккума, но этих кандидатов, набравших очень мало голосов, мы в своем исследовании не рассматриваем.

Проведенный нами анализ бенефициаров повышения явки не дает ясного ответа на вопрос, кто стал таковым в масштабах всей страны. На том этапе мы можем говорить скорее о расколе РФ на лояльные

и оппозиционные регионы, и в каждой из этих «двух России» происходили свои перетоки голосов. И хотя рост поддержки Ельцина (в сравнении с лояльными ему партиями) был гораздо более существенным, чем у Зюганова, корреляционный анализ показывает, что (слабый) тренд к мобилизации «новых» избирателей характерен именно для последнего. Важно, однако, что наличие такой связи прослеживается лишь при сравнении голосования за Зюганова с кластером левых партий, но не с отдельно взятой КПРФ. То есть рост явки способствовал привлечению на сторону Зюганова небольшой группы протестно настроенных избирателей, не поддерживавших левые силы на парламентских выборах. Не будем также забывать, что, как уже было сказано, сам по себе прирост голосов за лидера КПРФ за пределами левого кластера был небольшим и отмечался только в 50 регионах.

Тем самым можно утверждать, что лидер коммунистов в 1996 г. был способен привлекать дополнительный недовольный электорат, не голосовавший на выборах в Госдуму, но вследствие слабости тренда и относительной узости его географических рамок происходило это не повсеместно, а в наиболее оппозиционных регионах, недовольных социально-экономической ситуацией. Вместе с тем наше исследование не дает оснований говорить о том, что прирост явки пошел на пользу Ельцину, а также Лебедю и Явлинскому. Эти кандидаты расширяли базу своей поддержки скорее за счет перераспределения голосов уже сложившегося электората, участвовавшего в думской кампании 1995 г.

Исследование перетоков электората между парламентскими выборами 1995 г. и первым туром президентских выборов 1996 г. дает более ясные результаты (см. *табл. 3 Приложения*). Ельцину удалось перетянуть на свою сторону электорат всех либеральных партий, за исключением «Яблока», имевшего своего кандидата — Явлинского. Последнему, в свою очередь, пришлось довольствоваться лишь сторонниками собственной партии. Другим важнейшим процессом стала консолидация вокруг Ельцина электората малых партий центристской направленности или не обладавших четкой идеологической ориентацией. Из сравнительно крупных игроков этой ниши, чей избиратель «перетек» к Ельцину, можно упомянуть, в частности, «Женщин России». Именно эти два процесса и позволили Ельцину существенно расширить свою электоральную базу в первом туре, значительно превзойдя показатели НДР. Истоки такого развития событий, по-видимому, кроются в активной антикоммунистической кампании, напугавшей центристский электорат и оттолкнувшей его от КПРФ и ее кандидата. Иными словами, мобилизация лояльного электората осуществлялась в 1996 г. не за счет повышения явки (которое помогло Ельцину только в отдельных лояльных регионах, в том числе в некоторых республиках), а посредством привлечения на сторону инкумбента антикоммунистически настроенного либерального электората и избирателей малых партий, не выдвигавших своих кандидатов (правда, часть электората последних сделала выбор в пользу Лебеда).

Способность к дополнительной мобилизации электората продемонстрировал и Зюганов, воспринимавшийся избирателями как реальный соперник Ельцина, причем имевший шанс на победу. Однако ограниченность поддержки, которой пользовались коммунисты, не позволила ему провести действительно масштабную мобилизацию. Более того, затормозился процесс перехода на сторону КПРФ протестного электората, первоначально (на выборах 1993 г.) поддерживавшего ЛДПР. Отток голосов от Жириновского, получившего на президентских выборах меньше, чем его партия на парламентских, носил разнонаправленный характер и не работал на какого-то одного кандидата, будь то Зюганов или, например, Лебедь.

Таким образом, консолидация электората вокруг инкумбента в 1996 г. определялась поддержкой либеральных (читай — антикоммунистически настроенных) избирателей и условных «центристов». Будучи очень широкой (учитывая низкие стартовые позиции Ельцина), она обеспечила президенту запас прочности в первом туре. Во втором туре его электорат был расширен за счет либералов, голосовавших в первом туре за других кандидатов, и антикоммунистической части национал-патриотов. И в целом весь этот процесс был масштабнее и успешнее, чем в случае Зюганова.

**Избирательный
цикл
1999–2000 гг.**

Выборы 2000 г. проходили в условиях более мощной стартовой поддержки и.о. главы государства, но дальнейшая консолидация электората имела для Путина огромное значение, поскольку ему нужно было победить в первом туре и объединить сторонников разрозненных на тот момент «партий власти». Явка на президентские выборы выросла по сравнению с парламентскими почти на 7 п.п., причем рост явки отмечался в 85 регионах из 88. Прирост голосов, отданных за «основного» кандидата (в сравнении с суммой голосов «Единства», ОВР и НДР), составил 13 п.п. При этом в 84 регионах за Путина проголосовало больше избирателей, чем за весь кластер «партий власти». Снижение показателя прироста поддержки инкумбента по сравнению с кампанией 1996 г., очевидно, объяснялось тем, что к президентским выборам 2000 г. лояльный электорат был лучше организован и структурирован, хотя и поделен между двумя ключевыми «партиями власти» в лице «Единства» и ОВР. Наряду с Путиным, мобилизационные способности продемонстрировал и Зюганов, набравший на 2,7 п.п. больше голосов, чем весь кластер левых партий на парламентских выборах 1999 г.

Напротив, консолидация вокруг Явлинского оказалась еще менее выраженной, чем в 1996 г.: лидер «Яблока» получил лишь на 0,3 п.п. больше, чем его партия. Более того, в 57 регионах его поддержка снизилась, и общий прирост по стране был достигнут в первую очередь за счет относительного успеха в Москве. Кроме того, выборы 2000 г. в очередной раз подтвердили отсутствие мобилизационных способностей у Жириновского, набравшего меньше своего блока на

выборах парламента абсолютно во всех регионах (в целом по стране спад составил 1,8 п.п.).

Вместе с тем воспроизводство территориальных паттернов поддержки кандидатов от трех наиболее опытных партий (Зюганова, Жириновского и Явлинского) достигло на этих выборах максимальной величины. В случае Жириновского произошло как сокращение, так и укрепление ядерного электората: результат кандидата снизился, но зато корреляция с думскими выборами оказалась более высокой, чем у его конкурентов. У Путина корреляция ниже, нежели у трех упомянутых кандидатов, но это и неудивительно, учитывая, что он собирал электорат из разных источников при отсутствии единой «партии власти».

Выборы 2000 г. важны тем, что именно на них обозначился тренд притока к инкубенту «нового» электората. От роста явки выиграл только Путин, и хотя корреляция довольно слаба, других бенефициаров роста явки в масштабах страны не просматривается. Зюганов к их числу уже явно не относится.

Определились и источники пополнения электората нового главы государства (см. *табл. 4 Приложения*). Прежде всего, на своих первых выборах Путин, как и Ельцин до него, сумел привлечь на свою сторону либеральных избирателей, за исключением «яблочников». С этой точки зрения очень важным для него стало неучастие в президентских выборах Союза правых сил (выходец из которого Константин Титов баллотировался в президенты, но набрал менее 1,5% голосов). Именно благодаря притоку голосов СПС, а также выросшей явке новый глава государства и победил в первом туре. Кроме того, Путин продемонстрировал способность привлекать центристский и левоцентристский электорат, о чем свидетельствует выявленный нами переток голосов от Партии пенсионеров.

Применительно к Зюганову явные источники пополнения электората не прослеживаются. Жириновский, как уже говорилось, голоса потерял, да и Явлинский — в большинстве регионов — тоже. Однако выявить какие-либо определенные направления перетока избирателей Блока Жириновского и «Яблока» в масштабах страны нам не удалось.

**Избирательный
цикл
2003–2004 гг.**

Избрание Путина на второй срок отчасти стало развитием указанных тенденций, но отчасти их и изменило. Выборы 2004 г. были интересны также тем, что прежние претенденты на мобилизацию оппозиционного электората, относительно успешный Зюганов, малоуспешный Явлинский и провальный Жириновский, не участвовали в кампании. При этом кандидат КПРФ Николай Харитонов все равно сумел на 1,8 п.п. превзойти результаты своей партии (прирост в 76 регионах из 89), а вот «либерал-демократ» Олег Малышкин потерял даже больше голосов, чем это делал до него лидер ЛДПР (спад на 5,1 п.п., отмечен во всех регионах).

Потерю электората продемонстрировал и опиравшийся на электорат новой партии «Родина» (хотя и не поддержанный ею официально) Сергей Глазьев, набравший сравнительно мало голосов (снижение на 2,4 п.п., отмечено в 84 регионах). Что касается либерального фланга, то выборы 2004 г. были первым случаем неучастия в президентской гонке прежнего «консолидатора» Явлинского, а заменившая его на этом фланге Ирина Хакамада выступила примерно на уровне СПС, с которым и ассоциировалась (прирост на 0,3 п.п., отмечен в 64 регионах). Неудачно провел кампанию и Сергей Миронов, за которого проголосовало на 0,6 п.п. меньше избирателей, чем за блок возглавлявшейся им Российской партии жизни и Партии возрождения России (ухудшение результата в 87 регионах).

В то же время прирост поддержки Путина по сравнению с парламентской кампанией достиг небывалой величины — 25,1 п.п. Выборы прошли в условиях продолжающегося роста разрыва в уровне явки: на выборах президента она оказалась на 8,7 п.п. выше, чем на выборах парламента. Явка увеличилась в 84 регионах, а результат Путина в сравнении с «Единой Россией» — во всех субъектах Федерации.

В 2004 г. воспроизводство ядерного партийного электората стало типичным и для инкумбента, что очевидным образом связано с созданием партии «Единая Россия», сторонники которой составили основную базу поддержки Путина. Высокой осталась и корреляция между голосованием за КПРФ и ЛДПР на парламентских выборах и за их кандидатов на выборах президентских, в очередной раз подтверждая наличие у этих партий сложившегося ядерного электората (хотя чуть более низкий уровень корреляции для Малышкина показывает, что у этого кандидата были проблемы с мобилизацией сторонников ЛДПР). Зато связь Глазьева и Хакамады с голосованием за «Родину» и СПС соответственно оказалась менее выраженной, что отчасти объясняется тем, что полного отождествления данных кандидатов, баллотировавшихся в качестве независимых, с этими партиями в политическом поле не было. Самой слабой, но тоже значимой является связь между голосованием за Миронова и за блок Российской партии жизни и Партии возрождения России.

Как уже отмечалось, в 2004 г. прирост явки по сравнению с предшествующей парламентской кампанией был очень существенным, и, как и в 2000 г., однозначным бенефициаром этого прироста оказался Путин. Не менее важно, что статистическая связь стала более сильной, чем раньше, и корреляция достигла высокого уровня значимости.

Вместе с тем при выдвижении на второй срок возможности Путина по мобилизации различных групп идеологически окрашенного электората снизились, хотя этот электорат даже не был представлен опытными и сильными кандидатами (см. *табл. 5 Приложения*). По всей видимости, причина заключалась в трансформации образа президента и политического режима в целом. Наше исследование показывает, что Путин не «отбирал» голоса у ЛДПР, «Родины» или «Яблока», а скорее проводил широкую мобилизационную кампанию, привлекая

сторонников малых партий, равно как и «новых» избирателей. Иными словами, в кампании 2004 г. инкубент продемонстрировал способность к мобилизации различных электоральных периферий, которые в совокупности заметно увеличили его электорат в сравнении с электоратом «Единой России».

Способность к расширению своей электоральной базы обнаружил и Харитонов (на фоне общего снижения поддержки КПРФ), но природа притока к нему голосов остается неясной. Нет также ясной картины того, что произошло с электоратом «Родины» и «Яблока». Первый, вероятно, поделился между Глазьевым и Харитоновым, но часть его расплылась. Что касается «яблочников», то некоторые из них могли поддержать Хакамаду, однако общей тенденции тоже не просматривается. В любом случае для инкубента эти электоральные группы остались недоступными, и он работал скорее на политически и идеологически аморфном поле, не вторгаясь в идеологизированные ниши. В условиях экономического роста подобная «общая» лоялистская мобилизация, апеллирующая к избирателям, не имеющим сложившихся политических предпочтений, оказалась для Путина весьма успешной.

**Избирательный
цикл
2007–2008 гг.**

Президентские выборы 2008 г. отличались тем, что в них участвовало очень мало кандидатов — всего четыре, а правящую элиту представлял новый кандидат-преемник в лице Медведева. Ввиду малого числа участников все они получили больше голосов, чем их партии. В частности, Медведев превысил показатели «Единой России» на 8 п.п., хотя прирост наблюдался лишь в 71 регионе из 83 (что указывало на достижение определенного предела мобилизационных возможностей уже на думских выборах 2007 г., на которых «Единая Россия» добилась максимального в своей истории результата). В свою очередь Зюганов, не имевший конкурентов на левом фланге и обладавший статусом главного соперника Медведева, набрал на 5 п.п. больше, чем КПРФ (рост отмечен в 82 регионах). Впервые прирост голосов (в 73 регионах) продемонстрировал Жириновский — на 1,7 п.п. Андрей Богданов, в условиях отсутствия кандидатов на либеральном фланге ситуативно занявший эту нишу, выступил успешнее, чем его Демократическая партия России (прирост 0,8 п.п., отмечен во всех регионах).

Явка на выборы в 2008 г. была выше, чем в 2004 г. Возросла она и по сравнению с предшествовавшей парламентской кампанией. Однако упомянутое выше достижение в 2007 г. пределов мобилизационных возможностей отразилось и на явке. Разрыв в уровне явки составил лишь 6 п.п., что было меньше, чем при избрании Путина и на второй, и на первый срок. Более того, явка в сравнении с думскими выборами увеличилась только в 68 регионах.

Ограниченная конкуренция привела к тому, что в роли «консолидаторов» в первый и последний (на сегодняшний день) раз в истории выступили абсолютно все кандидаты. Одновременно Медведев, Зюганов

и Жириновский воспроизвели и географические паттерны поддержки своих партий, опираясь на сложившийся электорат. Примечательно, что корреляция между голосованием за «Единую Россию» и ее кандидата продолжала расти, свидетельствуя об укреплении базы поддержки российской власти. Напротив, корреляции для КПрФ и ЛДПР, оставаясь высокими, несколько понизились, что, впрочем, объяснялось не утратой ядерного электората (поскольку поддержка кандидатов превышала поддержку их партий), а привлечением дополнительных голосов. Закономерно, что значимая связь между голосованием за Богданова и ДПР отсутствовала, напоминая о том, что карликовая ДПР просто не обладала ядерным электоратом.

Анализ «новой» явки позволяет утверждать, что основным бенефициаром ее роста вновь оказался кандидат «партии власти», причем связь между ростом явки и поддержки «основного» кандидата стала еще более прочной (важно сделать оговорку, что в весомой группе регионов, в том числе республик, которые были исключены из расчетов, явка и результат Медведева — в сравнении с результатом «Единой России» — не выросли). Вместе с тем наш анализ показал, что «новые» избиратели, вероятно, появились и у Зюганова, который заметно нарастил поддержку по сравнению с КПрФ на выборах 2007 г. То есть на том этапе электоральной истории Зюганов все еще сохранял возможности для мобилизации электората, хотя этому, конечно, способствовало полное отсутствие конкурентов на левом фланге.

Еще одной особенностью выборов 2008 г. стала мобилизация Медведевым довольно разнообразного круга избирателей, причем фигура нового представителя «партии власти» вызвала интерес и со стороны идеологически окрашенных групп электората (см. *табл. 6 Приложения*). Обозначился тренд к перетоку к нему сторонников либеральных партий, в том числе «Яблока». В отличие от Путина в 2004 г., молодой Медведев, выступавший с прогрессистской программой, оказался для них приемлемым. В этом плане консолидация избирателей в 2008 г. напоминала таковую при избрании Путина на первый срок в 2000 г.

Таким образом, Медведев задействовал целый спектр вариантов мобилизации дополнительного электората, расширяя свою поддержку как за счет «новой» явки (что обеспечило ему основной прирост), так и за счет либералов, центристов и, вероятно, сторонников «Справедливой России» (хотя в данном случае корреляция слаба). И это заметно отличало консолидацию электората в 2008 г. от той, что имела место в 2004 г., когда она, будучи не менее масштабной, являлась более аморфной структурно. В то же время более четкое оформление на выборах 2008 г. левого полюса позволило Зюганову воспользоваться тем же источником дополнительной поддержки, что и действующая власть, привлекая на свою сторону и «новых» избирателей, и электорат «Справедливой России», который раскололся на две части. Возможно, образ Медведева оказался недостаточно привлекательным для избирателей,

ориентированных на левые ценности, что ситуативно открыло возможности для Зюганова.

Как и следовало ожидать, формирование небольшой электоральной базы Богданова происходило в том числе за счет притока части сторонников «Яблока» и СПС, хотя данный кандидат не претендовал на мобилизацию избирателей, играя скорее техническую роль. Тем не менее отсутствие других вариантов на либеральном фланге сделало и его электоральным «консолидатором» нишевого типа. Что касается Жириновского, то источники притока к нему голосов выявить не удалось. Выше уже отмечалось, что Жириновский (как и заменявший его в 2004 г. Малышкин) на президентских выборах всегда теряет голоса в пользу более сильных кандидатов, как инкумбента, так и главного оппозиционера. Выборы 2008 г. стали исключением, но прирост не поддается четкой идентификации и не связан со сторонниками определенных партий. Это, на наш взгляд, тоже говорит о неустойчивой позиции ЛДПР на выборах президента.

Избирательный цикл 2011–2012 гг.

Президентские выборы 2012 г., проходившие в условиях возвращения Путина в качестве «основного» кандидата, но со снижением явки и электоральной поддержки власти, обозначили ряд важных тенденций, в том числе новых. Жириновский и Миронов вновь набрали меньше голосов, чем их партии. Но гораздо важнее, что небольшая потеря произошла у Зюганова, свидетельствуя об утрате им консолидирующей роли на оппозиционном фланге, которая еще просматривалась в 2008 г. Интерес представляет также феномен «нового кандидата» Михаила Прохорова, который занял либеральную нишу, не опираясь на поддержку основных партийных игроков.

Президентская кампания 2012 г., состоявшаяся после всплеска общественных протестов и на фоне снижения лояльности общества (как это показали думские выборы 2011 г.), ознаменовалась дальнейшим сокращением разрыва в уровне явки по сравнению с предшествующей парламентской кампанией. На этот раз он составил 5,2 п.п., оказавшись самым низким в истории. Как и на выборах 2008 г., явка выросла далеко не во всех регионах, а только в 69. Тем самым были вновь продемонстрированы пределы электоральной мобилизации на выборах главы государства — но с учетом того обстоятельства, что и явка, и поддержка «основного» кандидата снизились относительно кампании 2008 г. То есть дело заключалось не только в падении эффективности электоральной мобилизации, но и в том, что под влиянием кризисных процессов в экономике и социальных волнений сузилась сама база электоральной поддержки власти. Результат Путина в сравнении с результатом «Единой России» при этом, конечно, вырос — на 11,9 п.п., но это был худший для него показатель прироста. При избрании Медведева в 2008 г. данный показатель, правда, был еще ниже, но тогда был гораздо выше и результат «Единой России».

В этой ситуации кандидаты от партий парламентской оппозиции выказали, однако, неспособность к консолидации избирателей. Зюганов впервые получил меньший процент голосов, чем КПРФ (падение на 0,3 п.п.), а его поддержка в регионах стала демонстрировать высокую волатильность — в 42 регионах она выросла, в 41 — упала. Иными словами, потенциал консолидации оппозиционного электората на левом фланге к выборам 2012 г. был исчерпан, что свидетельствовало о накопившихся проблемах с электоральной привлекательностью компартии и ее руководства. Как и следовало ожидать, много голосов потеряли Жириновский (спад почти на 3 п.п., отмечен в 76 регионах) и Миронов (спад на 5,4 п.п., произошел в 80 регионах).

Вместе с тем анализ территориальных паттернов голосования указывает на то, что оставшиеся (можно сказать — остаточные) ядерные электораты партий стали еще более дисциплинированными. Именно на этих выборах корреляция между поддержкой кандидатов от парламентских партий и самих этих партий наиболее высока. Но сами ядерные электораты, как уже ясно, сузились. Высокие корреляции в данном случае стали результатом оттока от партий парламентской оппозиции периферийной части избирателей. Одновременно с этим выросла значимость связи между голосованием за Путина и за «Единую Россию», подтверждая формирование в стране массового лояльного электората, который сам по себе, впрочем, тоже сократился.

Мобилизация «новой» явки сыграла на руку в первую очередь Путину. Причем значимость связи между повышением явки и увеличением поддержки инкумбента продолжала расти и достигла в 2012 г. максимума. В то же время на выборах 2012 г., в том числе и вследствие слабых мобилизационных возможностей лидеров парламентской оппозиции, сработал «эффект новизны», запрос на новые лица. Он помог Прохорову, часть электората которого, как показывает наш анализ, — это избиратели, не участвовавшие в парламентских выборах. На выборах 2000, 2004 и 2008 гг. бенефициарами роста явки были только Путин и Медведев, а вот в 2012 г., пусть и со слабой корреляционной связью, им оказался и новый кандидат, к тому же далекий от партий парламентской оппозиции.

На фоне ослабления парламентской оппозиции и утраты ею мобилизационного потенциала Путин, напротив, восстанавливает свою способность привлекать голоса с разных политических флангов (см. *табл. 7 Приложения*). Об этом свидетельствует установленный нами приток к Путину голосов «Справедливой России» (при том что Миронов присутствовал среди кандидатов) и ЛДПР (что вновь говорит о возможности патриотической мобилизации за Путина). По нашим расчетам, на сторону Путина могли перейти и некоторые «яблочники», не имевшие своего кандидата (подобно тому, как в 2008 г. они голосовали за Медведева).

Недостижимым для Путина остался только ядерный электорат КПРФ, сохранивший лояльность Зюганову. При этом Зюганов утратил какую-либо привлекательность для избирателей «Справедливой

России», тогда как Прохоров ее приобрел. Но еще очевиднее, конечно, что именно Прохорову пошло в первую очередь на пользу отсутствие в избирательной гонке Явлинского, на что указывает переток голосов «Яблока» к «новому» кандидату.

**Избирательный
цикл
2016–2018 гг.**

Президентские выборы 2018 г. обладали рядом особенностей, которые не могли не повлиять на соотношение их результатов с итогами думской кампании 2016 г. Во-первых, стал «растянутым» сам электоральный цикл — между двумя федеральными кампаниями образовался промежуток в полтора года, во время которого состоялось множество крупных региональных избирательных кампаний. Во-вторых, КПРФ, о сокращении мобилизационных способностей которой мы уже говорили, приняла решение выдвинуть в качестве своего кандидата совершенно новую для федеральной политики фигуру — Павла Грудина. В-третьих, одна из парламентских партий — «Справедливая Россия» — отказалась от выдвижения собственного кандидата, официально поддержав Путина. В-четвертых, на либеральном фланге произошел раскол, и его представляли сразу два кандидата — впервые после 2000 г. «вернувшийся» на президентские выборы Явлинский и политический «новичок» Ксения Собчак.

Как следствие, президентские выборы 2018 г. ознаменовались несколькими рекордами, среди которых особенно важным представляется небывалый разрыв между уровнем явки на президентские и парламентские выборы — 19,7 п.п. Как было показано выше, в условиях исчерпания к 2008 г. мобилизационных возможностей этот разрыв последовательно сокращался, однако в 2018 г. он не только вырос, но и более чем в два раза превысил прежний максимум, достигнутый в 2004 г. Рост явки при этом произошел в 78 регионах из 85. Рекордным был и прирост голосов, поданных за Путина в сравнении с «Единой Россией», — 25,8 п.п., правда, этот прирост был лишь ненамного выше зафиксированного в том же 2004 г. И только в трех регионах результат Путина понизился (по сравнению с результатом «Единой России» в 2016 г.). Напрашиваются аналогии с мобилизационной кампанией 2004 г., но, как видно из приведенных данных, кампания 2018 г. оказалась гораздо эффективнее с точки зрения наращивания явки.

Способность к расширению поддержки продемонстрировал и Грудин, результат которого на 1,6 п.п. превысил результат КПРФ на думских выборах 2016 г. Однако возможности Грудина как «консолидатора» левого электората не стоит преувеличивать. Прирост, о котором мы говорим, связан исключительно с общим повышением явки, и произошел он не повсеместно, а лишь в 66 регионах. При этом за Грудина проголосовало существенно меньше избирателей, чем за Зюганова в 2012 г.; более того, если рассчитывать процент поданных за него голосов не от общего числа избирателей, а от явки, то окажется, что он ниже, чем у КПРФ в 2016 г. Тем не менее в абсолютном выражении рост

все-таки был, что позволяет нам провести анализ источников увеличения электоральной поддержки Грудинина в сравнении с КПРФ в 2016 г.

Явным неудачником президентских выборов в очередной раз стал Жириновский, потерявший в сравнении с ЛДПР 2,5 п.п. (снижение в 79 регионах). Хуже своих партий выступили также Явлинский (снижение на 0,25 п.п., отмечено в 70 регионах) и Максим Сурайкин (снижение на 0,6 п.п., отмечено в 81 регионе). Результат Бориса Титова менее однозначен: в целом по стране он потерял по сравнению с Партией роста 0,1 п.п., однако спад имел место только в 44 регионах.

С точки зрения воспроизводства ядерного электората главной сенсацией выборов может считаться отсутствие значимой связи между голосованием за КПРФ и за ее кандидата на выборах президента. Электорат Грудинина лишь отчасти совпадал с электоратом КПРФ, но преимущественно был другим, ситуативно сложившимся. Это, по всей видимости, объясняется тем, что Грудинин не воспринимался в качестве типичного коммунистического кандидата, причем в ситуации уже возникших ранее проблем с консолидацией избирателей вокруг компартии.

Напротив, ядерный электорат «Единой России», ЛДПР и «Яблока» сохранился и в основном поддержал «своих» кандидатов. Гораздо более слабой выглядит связь между голосованием за Титова и Партию роста, а также за Сурайкина и «Коммунистов России». Их электорат оказался не только небольшим, но и неустойчивым, особенно у «Коммунистов России», за которых на думских выборах могли голосовать и по ошибке. Что касается Собчак, то у нее отмечается высокая корреляция с голосованием за ПАРНАС, хотя они не были союзниками в кампании 2018 г. Дело, вероятно, в том, что в условиях раскола либерального фланга и выдвижения Явлинского у сторонников других либеральных сил не было иных вариантов (в случае прихода на избирательные участки, конечно), кроме голосования за Собчак.

Анализ возможного распределения «новых» избирателей показывает, что и на этот раз главным бенефициаром роста явки был Путин. Правда, корреляция стала менее высокой, чем прежде, из чего следует, что часть «дополнительных» голосов вполне могла уйти к его конкурентам. Это неудивительно, поскольку активная кампания по повышению явки и облегчению доступа на избирательные участки заведомо не могла пойти на пользу только одному кандидату. В то же время в масштабах всей страны мы не можем утверждать, что «новые» избиратели голосовали за Грудинина или Собчак — это могло происходить лишь в отдельных регионах с повышенным интересом к данным кандидатам. Однако применительно ко всей региональной выборке корреляционный анализ результатов не дал.

Путин в свою очередь вновь продемонстрировал способность привлекать к себе различные группы избирателей (см. *табл. 8 Приложения*). В частности, его могла поддержать часть сторонников ЛДПР, неудовлетворенных своим кандидатом. В условиях патриотической мобилизации это выглядит вполне вероятным, тем более что так бывало

и прежде. Кроме того, можно говорить о голосовании за него приверженцев «Справедливой России», неучастие которой в выборах, несомненно, помогло Путину. Среди электората менее крупных партий заметен переток к инкубенту избирателей Российской партии пенсионеров за справедливость (как это было в свое время с голосами Партии пенсионеров). Особо следует отметить значительный рост поддержки Путина в регионах бывшего «красного пояса» на юге Центральной России и в Поволжье — при падении поддержки кандидата от КПрФ. Результат Грудина в сравнении с КПрФ снизился в 19 регионах, в том числе в родной для Зюганова Орловской области, а также в таких некогда опорных для КПрФ регионах, как Брянская, Ульяновская, Пензенская, Белгородская, Воронежская области и Северная Осетия (еще в ряде подобных регионов был очень слабый прирост). Однако переток сторонников компартии не был повсеместным и потому не выявляется посредством корреляционного анализа — речь идет о процессе, затронувшем южные регионы страны, но не Сибирь и Дальний Восток, где Грудин, напротив, успешно мобилизовал электорат.

Ввиду очень неравной динамики поддержки Грудина в разрезе регионов трудно было ожидать, что какие-то тенденции окажутся широко распространенными. В притоке к нему голосов просматривается скорее региональный (восточные части страны), нежели партийный принцип. Единственным исключением, фиксируемым в масштабах страны, является переток голосов от «Коммунистов России», природа которого вполне понятна: сторонники КПрФ, по ошибке проголосовавшие на думских выборах 2016 г. за «Коммунистов России», не могли, разумеется, перепутать Грудина с Сурайкиным.

Наконец, голосование за Собчак отчасти было голосованием прежних «яблочников». Об этом свидетельствует значимая корреляция между потерями Явлинского и уровнем поддержки Собчак. Кроме того, Собчак, как уже отмечалось, могла опираться на сторонников ПАРНАСа.

Результаты регрессионного анализа

Регрессионный анализ не только подтвердил большинство выводов, полученных с помощью корреляционного анализа, но и позволил сделать ряд заключений о возможном перетоке к инкубенту голосов тех партий, кандидаты которых неплохо выступили на выборах и даже улучшили собственный результат в сравнении с результатом своей партии (см. *табл. 9 Приложения*). В частности, этот анализ еще раз показал, что от прироста явки в 2000, 2004, 2008 и 2012 гг. выигрывал именно инкубент, тогда как в 2018 г. рост явки уже не столь однозначно работал на повышение процентных показателей Путина, хотя тот стал, конечно, главным его бенефициаром.

Говоря о возможном голосовании за инкубента сторонников различных партий, следует обратить внимание на достаточно раннее проявление тенденции к перетоку к нему части электората КПрФ. В 1996 г. этого тренда точно не было, но уже в 2000 г., при избрании

Путина на первый срок, он становится заметным. На выборах 2000 г. Зюганов выступил вполне успешно, тем не менее с помощью регрессии нам удалось обнаружить, что по крайней мере в некоторых российских регионах часть избирателей КПрФ перешла на сторону Путина (и это хорошо соотносится с заключением, что на региональном уровне голосование за Зюганова в 2000 г. отличалось от такового в 1996 г.). В 2004 г., когда коммунистов представлял Харитонов, голосования сторонников КПрФ за Путина регрессионная модель не подтверждает. Однако применительно к последующим выборам вновь можно утверждать, что избиратели КПрФ проявляют определенную склонность к поддержке кандидата от власти (Медведева, а затем Путина).

Судя по регрессионной модели, о голосовании за Путина части сторонников национал-патриотических партий можно уверенно говорить применительно к выборам 2000 г. В следующий раз данная тенденция проявилась в 2012 г. — в виде вероятной поддержки Путина избирателями ЛДПР. Что касается либерального электората, то можно считать доказанным голосование «яблочников» за Медведева в 2008 г. Вероятным предстает голосование за Путина либералов в 2000 г., а также сторонников СПС в 2004 г. (из чего следует, что не все они ушли к Хакамаде). Наконец, заметной является поддержка приверженцами «Справедливой России» Медведева в 2008 г. и Путина в 2012 г.

Основные выводы

Таким образом, наше исследование свидетельствует о серьезной трансформации электоральной поддержки на президентских выборах по сравнению с парламентскими, что можно объяснить феноменом консолидации электората вокруг наиболее сильных (или просто самого сильного) кандидатов. Причем эта консолидация может затрагивать электораты и тех партий, которые выдвигают собственных кандидатов, но оказываются не в состоянии мобилизовать всех своих сторонников (как, например, ЛДПР или «Справедливая Россия»). Конечно, зафиксированные нами процессы затрагивают относительно небольшие и периферийные группы избирателей, ведь президентские выборы практически всегда отличает преемственность электоральной поддержки по сравнению с предшествующей думской кампанией. (Единственным исключением в этом плане было голосование за Грудинина в 2018 г.) Но поведение множества «малых» электоральных групп тем более интересно, что оно существенно влияет на конечный результат.

Проведенный анализ наглядно продемонстрировал решающую роль инкубентов в привлечении электората, игнорирующего парламентские выборы. С точки зрения концепции стратегического голосования это говорит о значительной лоялистской мобилизации на президентских выборах, о притоке «новых» избирателей, пополняющих «копилку» основного кандидата. Однако эта тенденция начала проявляться только с 2000 г. и не была характерна для выборов, в которых участвовал

малопопулярный Ельцин. В 1990-х годах можно было наблюдать скорее приток «рассерженного» электората (в многочисленных тогда оппозиционных регионах), голосовавшего за Зюганова. Но с формированием персоналистского режима и ростом популярности его лидера повышение явки стало работать на действующую власть. И хотя от возросшей явки могут выиграть и другие кандидаты, но для этого требуется либо консолидация вокруг явного фаворита на оппозиционном фланге (случай Зюганова в 1996 г.), либо появление новой фигуры (случай Прохорова в 2012 г.).

Применительно к перехвату инкубентом электората из других идеологических ниш столь четких закономерностей не прослеживается. Здесь многое зависит от конкретной структуры конкурентного поля на выборах и политического имиджа самого инкубента.

Так, важной характеристикой 1990-х годов была мобилизация вокруг инкубента либерального электората, достигшая максимума в кампании 1996 г. Единственным ограничителем на пути такой мобилизации была фигура Явлинского, и инкубента поддерживал весь либеральный электорат, кроме «яблочников». После 2000 г. приток либеральных голосов к инкубенту утратил регулярный характер, да и само число подобных голосов сократилось. Тем не менее этот приток был, безусловно, значимым при избрании Путина в 2000 г. (сторонники СПС) и Медведева в 2008 г. (сторонники «Яблока»). На выборах 2012 г. сработала стратегия концентрации либерального электората в отдельной нише, ситуативно сформировавшейся вокруг Прохорова. В любом случае мы не можем утверждать, что в какой-либо президентской кампании между инкубентом и либералами пролегла «пропасть».

В то же время инкубент обычно обладает значительным потенциалом для мобилизации центристского и различного политически амбивалентного электората, прежде всего малых партий. Впервые этот потенциал проявился на выборах 1996 г., когда он был усилен за счет кампании по дискредитации КПРФ и Зюганова, поляризовавшей электоральное поле и оставившей «центристов» без альтернативы. Другой значимый пример — выборы 2004 г., но мобилизация «центристов» в поддержку инкубента носила тогда во многом естественный характер, будучи стимулирована бесспорной популярностью Путина.

Создание «Справедливой России» привело к появлению важного источника «дополнительного» электората, склонного демонстрировать высокую степень лояльности действующей власти. Как показывает наше исследование, часть этих избирателей поддерживала кандидата от власти, даже если «Справедливая Россия» выдвигала на выборах своего лидера, как это случилось в 2012 г. Вместе с тем было бы неверным отрицать, что электорат «Справедливой России» мог голосовать и за оппозицию. Так, в 2008 г., в отсутствие своего кандидата, часть сторонников этой партии поддержала Зюганова. А на выборах 2012 г., в условиях полной утраты КПРФ способности к расширению

своей электоральной базы, недовольные властью сторонники «Справедливой России», несмотря на ее левоцентристский характер, отдали свои голоса Прохорову.

Наиболее сложной и нерегулярной предстает мобилизация в поддержку инкумбента электората ЛДПР. Хотя сами кандидаты ЛДПР на выборах президента систематически теряют голоса (кроме выборов 2008 г.), их «потери» не всегда оборачиваются чьими-то столь же систематическими приобретениями. Впрочем, есть свидетельства того, что на этот электорат повлияло усиление апелляции властей к патриотическим ценностям и часть его стала выказывать лояльность Путину. О перетоке голосов от ЛДПР к Медведеву мы говорить не можем.

Вне пределов достижимого для инкумбента долгое время оставалась лишь мобилизация ядерного прокоммунистического электората (в отличие от периферийного, тенденция к перетоку которого на сторону кандидата от власти просматривается с 2000 г.), но в 2018 г. на региональном уровне она все-таки стала возможной, что показало голосование бывшего «красного пояса».

Оппозиционная консолидация избирателей в значительной мере зависит от наличия кандидата, выступающего в роли основного конкурента действующей власти и признанного в качестве такового (биполярная кампания), или же яркого (и единственного) представителя определенной политико-идеологической ниши (нишевая консолидация). Наиболее существенная, хотя все равно ограниченная и не позволявшая претендовать на победу мобилизация отмечалась на левом фланге. Она достигла своих пределов в далеком 1996 г., когда кандидат КПРФ сумел перехватить часть «новой» явки, но фрагментарно проявлялась и в дальнейшем. К КПРФ на президентских выборах могли частично тяготеть и сторонники новых левоцентристских проектов вроде «Справедливой России» (ситуация 2008 г.). Однако консолидирующая роль Зюганова сошла на нет к 2012 г., когда он смог привлечь только сторонников КПРФ. Не исправил ситуацию и Грудинин, оказавшийся в известном смысле «региональным» кандидатом, привлечшим дополнительные голоса в Сибири и на Дальнем Востоке.

Либерально-оппозиционная консолидация получила меньшее развитие, учитывая и внутренние расколы на либеральном фланге, и изменчивые отношения либеральных элит и партий с властями. В те годы, когда в выборах президента участвовал Явлинский, ему обычно удавалось не только мобилизовать сторонников «Яблока», но и обеспечить себе пусть очень небольшую, но все же «прибавку». Но к 2018 г. Явлинский утратил такую способность. Аналогичный и столь же небольшой потенциал роста продемонстрировала Хакамада в 2004 г. (в сравнении с СПС и в отсутствие Явлинского), а в 2018 г. Собчак сумела уже перехватить часть голосов «Яблока», несмотря на выдвижение его основателя. Особым и относительно успешным примером либеральной мобилизации был случай Прохорова в 2012 г., показавший наличие у такой мобилизации определенного потенциала,

но при условии смены лидеров, причем Прохоров, как обнаружило наше исследование, оказался в состоянии мобилизовать и «новую» явку, и сторонников «Справедливой России». Собчак в 2018 г. повторить этот успех не смогла, ограничившись немногочисленными голосами в либеральной нише.

Наконец, для национально-патриотической мобилизации в российской практике просто не нашлось места, что свидетельствует об ограниченном потенциале Жириновского и отсутствии других лидеров. В прошлом интересен разве что случай Лебеда в 1996 г. Приверженцы национально-патриотических взглядов на президентских выборах разных лет делились в разных пропорциях между «своими» кандидатами и действующей властью. Это произошло и на президентских выборах 2018 г., где патриотическая мобилизация очень помогла Путину

Таким образом, стратегическое голосование на президентских выборах в России выражается в том, что инкубент эффективно привлекает к себе весь слабоидеологизированный и аполитичный электорат — «новую» явку, периферии левого (в лице эсеров) и национально-патриотического электората, центристов и сторонников малых партий. Более сложным является перетягивание им на свою сторону идеологически мотивированного ядра прокоммунистического, а также (на нынешнем этапе) либерального электората. В то же время в отдельных территориальных кластерах (хотя и не в масштабах всей страны) перехват инкубентом сторонников КПРФ уже стал реальностью.

Библиография

Ferrara F., E.S.Herron, and M.Nishikawa. (2005) *Mixed Electoral Systems: Contamination and its Consequences*. New York, Houndmills: Palgrave Macmillan.

Herrmann M. and F.U.Pappi. (2008) «Strategic Voting in German Constituencies» // *Electoral Studies*, vol. 27, no. 2: 228—244.

Turovsky R. and M.Sukhova. 2017. *Similar or Different? Exploring the Gap between Federal and Regional Elections in Russia* (National Research University Higher School of Economics. Basic Research Program. Working Papers. Series: Political Science. WP BRP 55/PS/2017). URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share//direct/212694403> (accessed 12.04.2018).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1 Стабильность территориального паттерна голосования⁶

	1995—1996	1999—2000	2003—2004	2007—2008	2011—2012	2016—2018
Инкумбент	+0,63** (Ельцин и НДР)	+0,76*** (Путин и кластер «партий власти»)	+0,85*** (Путин и «Единая Россия»)	+0,91*** (Медведев и «Единая Россия»)	+0,94*** (Путин и «Единая Россия»)	+0,9*** (Путин и «Единая Россия»)
Кандидат левой оппозиции	+0,89*** (Зюганов и КПРФ) +0,88*** (Зюганов и весь левый кластер)	+0,81*** (Зюганов и КПРФ) +0,83*** (Зюганов и весь левый кластер)	+0,84*** (Харитонов и КПРФ)	+0,81*** (Зюганов и КПРФ)	+0,9*** (Зюганов и КПРФ)	+0,27 (Груднин и КПРФ)
Кандидат ЛДПР	+0,81*** (Жириновский и ЛДПР)	+0,91*** (Жириновский и Блок Жириновского)	+0,78*** (Мальшкн и ЛДПР)	+0,76*** (Жиринов- ский и ЛДПР)	+0,9*** (Жиринов- ский и ЛДПР)	+0,83*** (Жириновский и ЛДПР)
Либеральный кандидат	+0,66** (Явлинский и «Яблоко»)	+0,83*** (Явлинский и «Яблоко»)	+0,5** (Хакамада и СПС)	+0,22 (Богданов и ДПР)	—	+0,77*** (Явлинский и «Яблоко»)
Другие значимые кандидаты	+0,63** (Лебедь и КРО)	—	+0,55** (Глазьев и «Родина») +0,36* (Мионов и РПЖ-ПВР)	—	+0,9*** (Мионов и «Справедли- вая Россия»)	+0,53** (Титов и Партия роста) +0,32* (Сурайкин и «Ком- мунисты России»)

*** — высокая корреляция с коэффициентом более 0,7

** — средняя корреляция с коэффициентом 0,5—0,7

* — слабая корреляция с коэффициентом 0,3—0,5

⁶ В таблице приведены коэффициенты линейной корреляции для результатов голосования за кандидатов на пост президента и за близкие к ним партии (на предшествующих выборах в Госдуму) в разрезе субъектов РФ. Здесь и в табл. 2—8 полужирным шрифтом выделены значимые корреляции. Все коэффициенты корреляции значимы на уровне 0,05.

Таблица 2 Бенефициары роста явки на выборах президента

	1995—1996	1999—2000	2003—2004	2007—2008	2011—2012	2016—2018
Прирост явки ⁷	+5,29 п.п. [84 из 89]	+6,95 п.п. [85 из 88]	+8,72 п.п. [84 из 89]	+6 п.п. [68 из 83]	+5,16 п.п. [69 из 83]	+19,67 п.п. [78 из 85]
Инкумбент	+0,16 [84] ⁸	+0,34* [81]	+0,77*** [84]	+0,82*** [65]	+0,85*** [69]	+0,6** [78]
Кандидат левой оппозиции	+0,08 (Зюганов и КПРФ) [80] +0,37* (Зюганов и левый кластер) [50]	-0,3 [80]	+0,12 [74]	+0,29 [67]	Снижение и рост поддерж- ки в примерно равном числе регионов	-0,21 [61]
Кандидат ЛДПР	Снижение поддержки (Жириновский)	Снижение поддержки (Жириновский)	Снижение поддержки (Мальшкін)	+0,15 (Жириновский) [67]	Снижение поддержки (Жириновский)	Снижение поддержки (Жириновский)
Либеральный кандидат	+0,19 (Явлинский) [73]	Снижение поддержки в большинстве регионов (Явлинский)	+0,28 (Хакамада) [64]	+0,18 (Болданов) [61]	+0,31* (Прохоров) [69]	+0,06 (Собчак) [78] Снижение поддержки (Явлинский)
Другие значимые кандидаты	-0,25 (Лебедь) [84]	-	-	-	Снижение поддержки (Миронов)	-

*** — высокая корреляция с коэффициентом более 0,7
 ** — средняя корреляция с коэффициентом 0,5—0,7
 * — слабая корреляция с коэффициентом 0,3—0,5

⁷ Для показателя прироста явки в квадратных скобках приведено число регионов, в которых повысилась явка, в сравнении с общим числом регионов, где состоялись выборы.

⁸ Здесь и далее в квадратных скобках приведено число регионов, для которых рассчитаны корреляции. Это регионы, в которых одновременно наблюдался рост явки и рост поддержки определенного кандидата.

Таблица 3 Перетоки электората в электоральном цикле 1995–1996 гг.⁹

⁹ Здесь и далее в табл. 3–8 показатели динамики изменения электоральной поддержки приводятся в расчете от общего числа избирателей.

¹⁰ Суммарный результат голосования за избирательные объединения, не имевшие ясной идеологической ориентации либо провозглашавшие себя центристскими.

¹¹ Здесь и далее в табл. 3–8 в квадратных скобках приведено число регионов, в которых наблюдалось совпадение двух явлений (например, роста одних показателей и снижения других). Для этих регионов и были рассчитаны корреляции.

	Снижение поддержки Жириновского (к ДДПР) –3,22 п.п. (85 регионов)	Поддержка центральных избирательных объединений 8,83% ¹⁰	Поддержка «Женщин России» 2,97%	Поддержка либеральных объединений (кроме «Яблока») 7,31%
Рост поддержки Ельцина (к НДР) +18,06 п.п. (89 регионов)	+0,28 [86] ¹¹	+0,54**	+0,51**	+0,38*
Рост поддержки Зюганова (к КПРФ) +7,96 п.п. (88 регионов)	–0,29 [85]	–0,52	–0,42	Не применимо
Рост поддержки Зюганова (к левому кластеру) +1,57 п.п. (50 регионов)	–0,05 [48]	–0,54	–0,60	Не применимо
Рост поддержки Лебедева (к КРО) +7,34 п.п. (89 регионов)	–0,25 [85]	+0,33*	+0,28	Не применимо
Рост поддержки Явлинского (к «Яблоку») +0,68 (77 регионов)	Не применимо	+0,05	+0,08	0,12

** — средняя корреляция с коэффициентом 0,5–0,7
* — слабая корреляция с коэффициентом 0,3–0,5

Таблица 4 Перетоки электората в электоральном цикле 1999–2000 гг.

	Снижение поддержки Жириновского (к Блоку Жириновского) –1,84 п.п. (88 регионов)	Поддержка СПС 5,25%	Поддержка Партии пенсионеров 1,2%	Поддержка «Женщин России» 1,26%
Рост поддержки Путина (к кластеру «партий власти») +13 п.п. (84 региона)	–0,04 [84]	+0,37*	+0,30*	+0,17
Рост поддержки Зюганова (к КПРФ) +5,06 п.п. (83 региона)	+0,21 [83]	–0,09	–0,002	+0,02
Рост поддержки Зюганова (к левому кластеру) +2,73 п.п. (78 регионов)	–0,15 [78]	Не применимо	+0,25	–0,05

* — слабая корреляция с коэффициентом 0,3–0,5

Таблица 5 Перетоки электората в электоральном цикле 2003–2004 гг.

	<i>Снижение поддержки Мальшicina (к ЛДПР) – 5,09 п.п. (89 регионов)</i>	<i>Снижение поддержки Глазьева (к «Родине») – 2,38 п.п. (84 региона)</i>	<i>Снижение поддержки Миронова (к РПЖ-ПВР) – 0,56 п.п. (87 регионов)</i>	<i>Поддержка «Яблока» 2,4%</i>	<i>Поддержка АПР 2,03%</i>	<i>Поддержка РПП-ПСС 1,73%</i>
Рост поддерж- ки Путина (к «Единой России») +25,08 п.п. (89 регионов)	+0,26 [89]	+0,07 [84]	–0,02 [87]	–0,09	–0,04	–0,04
Рост поддерж- ки Харитонов (к КПРФ) +1,76 п.п. (76 регионов)	–0,09 [76]	–0,22 [73]	–0,02 [75]	Не при- менимо	+0,15	+0,08
Рост поддерж- ки Хакамады (к СПС) +0,26 п.п. (64 региона)	Не при- менимо	Не при- менимо	Не при- менимо	+0,02 [64]	Не при- менимо	Не при- менимо

Таблица 6 Перетоки электората в электоральном цикле 2007–2008 гг.

	<i>Поддержка «Справедливой России» 4,93%</i>	<i>Поддержка «Яблока» 1,02%</i>	<i>Поддержка СПС 0,61%</i>	<i>Поддержка АПР 1,47%</i>
Рост поддержки Медведева (к «Единой России») +8,02 п.п. (71 регион)	+0,26	+0,38*	+0,17	+0,1
Рост поддержки Зюганова (к КПРФ) +4,98 п.п. (82 региона)	+0,39*	–0,07	+0,13	+0,09
Рост поддержки Жириновского (к ЛДПР) +1,33 п.п. (73 региона)	–0,3	+0,18	–0,07	–0,16
Рост поддержки Богданова (к ДПР) +0,82 п.п. (83 региона)	+0,24	+0,53**	+0,53**	+0,18

** — средняя корреляция с коэффициентом 0,5–0,7

* — слабая корреляция с коэффициентом 0,3–0,5

Таблица 7 Переатоки электората в электоральном цикле 2011–2012 гг.

	Снижение поддержки Жириновского (к ЛДПР) (76 регионов)	Снижение поддержки Миронова (к «Справедливой России») (-5,44 п.п. (80 регионов))	Поддержка «Яблока» 2,06%
Рост поддержки Путина (к «Единой России») +11,87 п.п. (78 регионов)	-0,51** [75]	-0,59** [77]	+0,39* [78]
Поддержка Прохорова 5,21%	+0,04	-0,46* [80]	+0,87*** [83]

*** — высокая корреляция с коэффициентом более 0,7
** — средняя корреляция с коэффициентом 0,5–0,7
* — слабая корреляция с коэффициентом 0,3–0,5

Таблица 8 Переатоки электората в электоральном цикле 2016–2018 гг.

	Снижение поддержки Жириновского (к ЛДПР) (-2,47 п.п. (79 регионов))	Снижение поддержки Явлинского (к «Яблоку») (-0,25 п.п. (70 регионов))	Снижение поддержки Сурякина (к «Коммунистам России») (-0,62 п.п. (81 регион))	Поддержка «Справедливой России» 2,98%	Поддержка ПАРНАС 0,35%	Поддержка РППЗС 0,83%	Поддержка «Родины» 0,72%	Поддержка «Патриотов России» 0,28%
Рост поддержки Путина (к «Единой России») +25,84 п.п. (82 региона)	-0,7*** [79]	-0,03 [70]	+0,31 [78]	+0,5**	Не применимо	+0,7***	+0,24	0,0
Рост поддержки Грудина (к КПРФ) +1,56 п.п. (66 регионов)	-0,11 [63]	+0,06 [59]	-0,37* [64]	+0,07 [66]	Не применимо	-0,2 [66]	-0,1 [66]	-0,01 [66]
Поддержка Собчак 1,14 п.п.	Не применимо	-0,56** [70]	Не применимо	Не применимо	+0,81***	Не применимо	Не применимо	Не применимо

*** — высокая корреляция с коэффициентом более 0,7
** — средняя корреляция с коэффициентом 0,5–0,7
* — слабая корреляция с коэффициентом 0,3–0,5

Таблица 9 Результаты регрессионного анализа¹²

¹² Зависимая переменная — процент голосов, поданных за инкумбента на президентских выборах в 1996, 2000, 2004, 2008, 2012, 2018 гг. (от общего числа избирателей). Независимые переменные — разность явки на президентских и парламентских выборах, результаты голосования за партии и партийные кластеры на думских выборах.

	Модель 1 (1995—1996) Ельцин	Модель 2 (1999—2000) Путин	Модель 3 (2003—2004) Путин	Модель 4 (2007—2008) Медведев	Модель 5 (2011—2012) Путин	Модель 6 (2016—2018) Путин
Разность явки между выборами ГД и президента РФ	-0,09	1,1***	0,78***	0,84***	1,1***	0,15
«Партия власти»	0,41** (НДР)	1,2*** (кластер «партий власти»)	1,1*** («Единая Россия»)	1,1*** («Единая Россия»)	1,0*** («Единая Россия»)	0,67*** («Единая Россия»)
КПРФ	-0,64***	0,28**	-0,04	0,34**	0,15**	0,37
ЛДПР	-0,40**	0,76** (национально-патриотический кластер, в т.ч. Блок Жириновского)	-0,12	0,21	0,57***	0,35
«Справедливая Россия»	—	—	—	0,95***	0,67***	0,39
Либеральные партии	-0,11 («Яблоко») 0,51 (ДВР)	0,45** (либеральный кластер, в т.ч. СПС и «Яблоко»)	0,76 («Яблоко») 0,92*** (СПС)	3,44*** («Яблоко»)	0,19 («Яблоко»)	-0,44 («Яблоко»)
Прочие партии	0,31* (АПР)	—	-0,23 («Родина»)	1,7** (АПР)	—	—
Константа	30,51***	-13,58*	16,58**	-15,43***	-5,5**	20,99**
R ²	0,52	0,74	0,88	0,96	0,98	0,72

* коэффициент значим на уровне 0,1
 ** коэффициент значим на уровне 0,05
 *** коэффициент значим на уровне 0,01

R.F.Turovsky
**PRESIDENTIAL ELECTIONS IN RUSSIA:
 OPPORTUNITIES AND LIMITS
 OF ELECTORAL CONSOLIDATION**

Rostislav F. Turovsky — Doctor of Political Science; Professor at the School of Political Science, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics. Email: RFT777@mail.ru.

Abstract. The article analyzes the processes of electoral consolidation around incumbents, as well as opposition candidates in the presidential elections

in Russia. On the basis of the comparative analysis of the parliamentary and presidential campaigns within 6 electoral cycles, the author reveals shifts in the turnout and voting patterns for candidates in the presidential elections in comparison to the previous State Duma elections. His research shows that almost all viable candidates in presidential elections rely on the electorate of a certain party — usually the one from which the candidate is nominated (the only important exception to this rule is the vote for P.Grudinin in the 2018 elections). The study also shows that the increase in turnout in the presidential elections plays into the hands of the incumbent (except for B.Yeltsin in 1996), although in some cases it can boost support for a strong opposition candidate (e.g., G.Zyuganov in 1996) or an entirely new candidate (e.g., M.Prokhorov in 2012). Having compared voting patterns between parliamentary and presidential elections, the author comes to the conclusion that an incumbent is usually able to court swing voters, and, depending on the political context, voters from various party clusters such as supporters of “A Just Russia”, LDPR, liberal parties and the Communist Party of the Russian Federation (the latter — at the level of certain regions). Opposition candidates possess much more limited opportunities or lack them altogether. The author interprets the revealed trends as a manifestation of strategic voting, which is based on a rational choice of voters in favor of an incumbent.

Keywords: strategic voting, incumbent, opposition, presidential elections, parliamentary elections, transfer of electorate

References

- Ferrara F., E.S.Herron, and M.Nishikawa. (2005) *Mixed Electoral Systems: Contamination and its Consequences*. New York, Houndmills: Palgrave Macmillan.
- Herrmann M. and F.U.Pappi. (2008) “Strategic Voting in German Constituencies” // *Electoral Studies*, vol. 27, no. 2: 228–244.
- Turovsky R. and M.Sukhova. 2017. *Similar or Different? Exploring the Gap between Federal and Regional Elections in Russia* (National Research University Higher School of Economics. Basic Research Program. Working Papers. Series: Political Science. WP BRP 55/PS/2017). URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share//direct/212694403> (accessed 12.04.2018).